

А. УЛАНОВ

ПОЭЗИЯ И. ЖДАНОВА: ОТ ОПИСАНИЯ К ВОССОЗДАНИЮ

1995 №2

Ощущение недостаточности повествования - вероятно, вечный спутник литературы. Попытки пробить стену изнутри: "мысль изреченная есть ложь" - и холодный взгляд снаружи: "а мы послушаем тебя". Теоретик и поэт сходятся. "Повествование дает вещам имена, ему неведом ужас, который внушиает слово, рвущееся за свои собственные пределы: в результате действительность как бы ужимается, обретает привычные черты, укладывается в рамки стиля и не выходит за границы языка" (1) "Человек, говоря: "У меня болит нога", - рассматривает свою ногу, как что-то чужое, как объект. Если бы он мог сказать: "Я болю своей ноге", - чтобы погрузить слушателя в эту боль... Но такой эффект не предусмотрен..., он выходит за рамки обычного сознания" (2). И обычное описание только увеличивает отдаление, все более выделяя - и разделяя - зрителя-читателя и описываемое. "Как описать вещь, не называя этой вещи, более того, избегая при этом слов описания как таковых?" (3) В ситуации постмодернизма знаки потеряли значения - и могут быть тасуемы, как карты в колоде.

Поэзия не была бы поэзией, если бы не искала выхода. И. Жданов предполагает его в предельной концентрированности текста. "Мне нравятся отдельные странные словосочетания и фразы, которые несут ... заряд сущенного чувства. Например, смотрю на есенинское "Только синь сосет глаза" - и вижу все, что в этой строчке заложено: деревня, за спиной у тебя убегающая покатая даль, перед тобой обрыв, а за ним бескрайние заливные луга... И у Хлебникова, еще проще, всего два слова: "свирельный мед". Тут все показано: и текучесть, и плавность, и сладость, и прозрачность..." (4) Эти сгустки смысла - блоки ассоциаций, связанных с предметом, состоянием души и т.д. Причем, сам предмет или состояние нет необходимости называть, это было бы огрублением, излишним подчеркиванием. "Если предмет неясен, гляди чуть в сторону, вскользь, и ты его увидишь полнее. Это физический факт. Так и в стихах: косвенным зрением нащупываешь, ... как бы обход такой делаешь, изгибаешь взгляд. А называние - это не то что даже умерщвление вещи, а..." (5).

Это не описание предмета, а воссоздание вызываемых им ассоциаций - то есть самого предмета, как он дан памяти или взгляду. Не называние, а "выпуклая радость узнавания".

"Толпы света бредут, создавая дыханье округу, // узнавая пейзаж как созданье своих мятежей, // обтекая его, голоса подавая друг другу, // превращаясь в скопление мечущих мраков миражей." (6) (6).

Построенный из таких сгустков текст не оставляет места для повествования. Он оказывается насыщен метафорами, и на этом основании Жданова вместе с некоторыми другими современными авторами объединяют в группу метафористов. "Метафора как бы на одно мгновение сжимает в одно целое чувство, растасканное по словам (от растасканности теряется его непосредственность)... Краткая замедленность, но чего она стоит... Предмет вибрирует на фоне общей совпадающей. Он вырван из последовательности, из закономерности, связывающей предметы лишь по общим признакам. Он становится в центр и освещает собой все признаки, присущие каждому предмету в отдельности" (7). Это рассказ слов, а не рассказ словами. Вот портрет боли: "Черна, как нефть, готовая взорваться, // она плотней кассеты с кинопленкой, // где в каждом кадре увиданье мака." (18)

Но метафора для Жданова - только одно из возможных средств. И, конечно же, не всегда это средство оказывается пригодным. Жданову необходимы метафоры и сравнения, выявляющие сущность предметов и отношений между ними. Характерные примеры несущественных метафор и сравнений можно найти у Вознесенского. "Чайка - плавки Бога" - сравнение, построенное на эффектном зрительном впечатлении, но ничего не говорящее ни о сущности Бога, ни даже о сущности чайки. Едва ли Бог стоит над миром, как загорающий курортник... и едва ли птица - это белье. Таких зрительных, слуховых, обонятельных и т.д. образов может быть накоплено достаточно много, что вновь вытягивает текст в повествование, уничтожая его концентрированность.

Предмет для нас есть то, каким мы его видим, вместе с тем, что мы думаем в момент взгляда. Описание у Жданова перестает быть описанием, размыкаясь в многозначность смыслов.

"Так в обратный порыв увлекается бег ледохода, // напряжением силы вживаясь в свои берега. // Обретая себя, неподвижность дышит свобода - // и летят берега, и раздет ледоход донага." (66)

Здесь - и вскрывшаяся река, и напряжение и сила свободы.

"Снотоворная скорость забвенья" - вот что стремится победить Жданов.

Это не импрессионизм, попытка точно уловить мгновенное впечатление, а стремление выйти к тому, что существует всегда, к сущности. И метафора может оказаться помехой на этом пути, и тогда она должна быть разрушена. "Вот скажи: "Солнце встало". Это типичная метафора - переносное значение глагола не ощущается. Если разрушить эту метафору, ... первоначальный смысл оживет, и ты увидишь, как все встающее связывается с солнцем". (8)

Так освобождаются свойства предметов: "Плынет глубина по осенней воде, и тяжесть течет, омывая предметы", "летит полет без птиц", "вне лица упрек". Не проявляется ли тут то "слово - Психея", о котором говорил Мандельштам: "Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела" (9).

И освободившиеся сущности ищут новую, более отвечающую им плоть. "Характерно появление образов, "сердцевина" которых - абстрактное слово, в то время как оболочка - живые чувственные определения (перчатки осязания, наперстки звона). Это как бы образы-плоды с

ДЕПОРИЙ "ЦИРКА ДАМ"

временной мякотью и постоянной твердой косточкой... Грамматическая форма также проявляет эту структуру: "угли надежды", "двумерная смерть", "выхлопной мрак", "граммомфонная лень". (10) Мир Жданова - не платоновский мир. Сущности остаются здесь, предметы выносят их на своих плечах. "И свою спину луна немоту поднимает со дна". Даже геометрическая абстракция расстояния становится человеком в наполненных только словах: "расстояние между тобой и мной - это есть ты".

Жданов стремится войти в мир, не мешая происходящему.

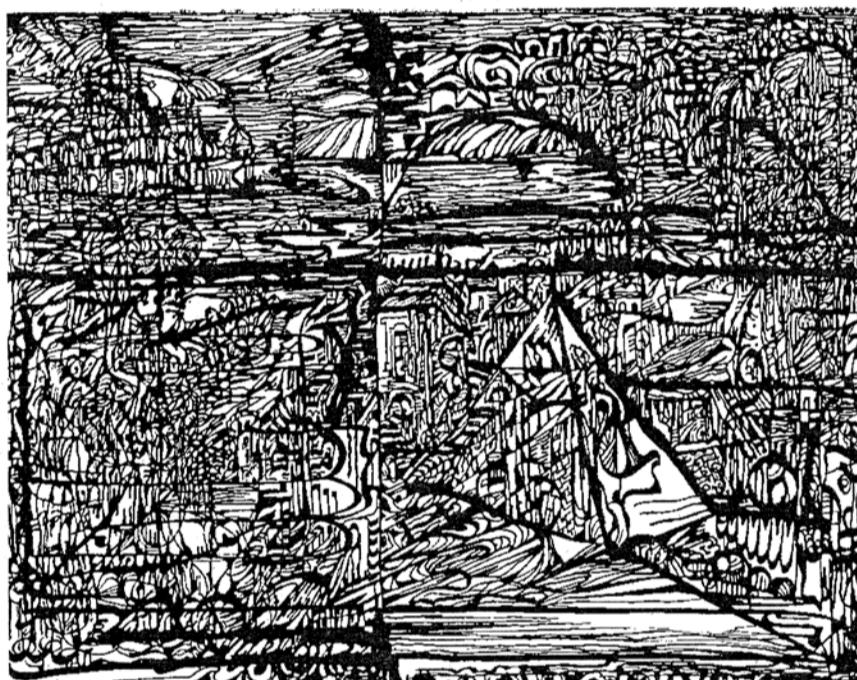
"Мы входим в этот мир, не прогибая воду, // горящие огни, как стебли, разводя. // Там звезды, как ручьи, текут по небосводу // и тянется сквозь лед голодный гул дождя." (34)

"Когда языковые функции отступают на задний план... тогда на почетное место выдвигается объект как таковой: современная поэзия - это объективная поэзия". (11) Наблюдать и воссоздавать, как живут вещи, отдавая себя: "себя в ночи разбрасывают окна". Слово возникает во время прислушивания: "Но где-то в стороне от взгляда ледяного, // свивая в смерчу твою горчинную тюрьму, // рождается вптомах само собою слово // и тянется к тебе, и ты идешь к нему." (5)

Границы предметов оказываются открытыми для действия: "обволакиваю камень, запотевший изнутри", "так облекла лягушка скролупа его бессмертный выдох", и в этом действии предметы выявляют друг друга, встречаются друг с другом. "Ветки перемещением обнаруживают плоть ветра, ветер рябью обнаруживает плоть зеркала, зеркало отражением обнаруживает плоть лица, лицо смертью обнаруживает плоть света" (12), и читающий оказывается вовлеченым в это поле бесконечных встреч.

Поэзия Жданова - не хаос сюрреализма, а напряженное сознательное взглядывание. Оно полно рефлексии: "Склоняться, плача, над собой", "Мы смотрим сквозь себя". Но рефлексия, возврат, самоуточнение свойственно вообще всему. "Пчела внутри себя перелетела", "камень падает в себя", "небо в себе пропадает".

"Из преодоления хаоса, из сопротивления энтропии постепенно возникает смысл, свободный от иллюзии и скоропелой завершенности" (13). Текст

В.Батыянов. Духи города, 1992.

становится не повествованием о существующем, а существующим среди всего другого существующего. "К этим стихам... надо привыкнуть, как привыкали мы ко всем знакомым ныне предметам мира. Ведь и мир... не ждет мгновенного описания, он открыт прежде всего для нашего пребывания в нем и прекрасен прежде всего своей глубиной и несмыываемым ощущением подлинности" (14).

Граница между предметом и его образом стирается, и предметы текут сквозь автора, сквозь читающего: "Течет во мне река, как кровь глухонемая. // Свершается обряд - в ней крестят листопад..."

Переживается полнота окружающего: "Ты входишь в куб, зеркальный изнутри, // где птичья ночь шуршит в его объеме // и прошлогодний снег щекочет губы." (33)

Воссоздающая поэзия честнее: предмет труднее поддается, чем знак. Знак может и не иметь за собой никакой реальности, быть симулякром. А предмет существует, и мы можем испробовать его - войти в данный нам эмоцию, данное восприятие, и непосредственно убедиться в их богатстве или бедности. И только после этого знак сможет вновь встретиться с обозначаемым: "Чайник в обнимку со словом "вода" // к речке идет, а в слове "вода" - // накиль, как в чайнике." (53)

Такой неповествовательный текст втягивает в себя читающего. "Утверждения делаются так, как если бы они были связаны между собой, и читатель вынужден сам анализировать эти связи. Ему приходится искать причину, по которой избранны именно эти утверждения; он изобретает ряд таких причин и выстраивает их в своем сознании... Именно свобода установления связей, возникающая благодаря отсутствию эксплицитно выраженных промежуточных шагов, является основным источником воздействия поэзии". (15) В этом направлении - концентрированного воздействия поэзии - и развиваются тексты Ивана Жданова.

"Шепот ночной трубы на свету обратится в слово, // сфера прошелестит смальтой древесной славы, // кубических облаков преобразится взвесь. // Миру простится гнет. Небу простится высь." (54)

Примечания:

1. Барт Р. Нуевая степень письма // Семиотика. - М., 1983. - с. 321.
2. Жданов И.Ф. Интервью // Сегодня. - 1994. - 26 февраля. - с. 13.
3. Стай Г. Поэзия и грамматика // Ad Marginem'93. - М., 1993. - с. 257.
4. Жданов И.Ф. Интервью // Сегодня. - 1994. - 26 февраля. - с. 13.
5. Там же.
6. Стихи И. Жданова приведены с указанием страниц по книге: Жданов И.Ф. Место земли. - М., 1990.
7. Жданов И.Ф. За пределами слова // Ковчег. - 1994. - N 9. - с. 3.
8. Жданов И.Ф. Интервью // Сегодня. - 1994. - 26 февраля. - с. 13.
9. Мандельштам О.Э. Сочинения. - М., 1990. - T.2. - с. 171.
10. Аристов В. Предощущение света // Литературная учеба. - 1986. - N 1. - с. 122.
11. Барт Р. Нуевая степень письма // Семиотика. - М., 1983. - с. 322.
12. Эштейн М.Н. Парадоксы новизны. - М., 1988. - с. 165-166.
13. Жданов И.Ф. Место земли. - М., 1990. - с. 3.
14. Аристов В. Предощущение света // Литературная учеба. - 1986. - N 1. - с. 117.
15. Эмпсон У. Семь типов неоднозначности. Цит. по: Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. - М., 1990. - с. 64.